

На правах рукописи

Ионесов Владимир Иванович

МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ:
ТИПОЛОГИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПРОЦЕССА

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора
культурологии

26 ЯНВ 2012

Самара – 2011

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры
ФГБОУ ВПО «Самарская государственная академия культуры и искусств»

Научный консультант: доктор культурологии, профессор
Куруленко Эллеонора Александровна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Пигров Константин Семёнович

доктор исторических наук, профессор
Полторах Сергей Николаевич

доктор философских наук, профессор
Селиванов Валерий Владимирович

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»

Защита состоится 21 февраля 2012 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 210.019.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора культурологии при ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» по адресу: 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 2, зал совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств».

Автореферат разослан « 16 » сентября 2012 г.

Автореферат помещён на сайте ВАК Минобрнауки РФ 15 ноября 2011 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

В.Д. Лелеко

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Трансформация культуры – наиболее динамичный и значимый процесс социокультурного развития. Это время тотальной проверки стержневых ценностей и аксиом культуры на их подлинность и жизнеспособность. Здесь происходит формирование новой культурной реальности и смена мировоззренческих парадигм.

Современный мир вступил в полосу глобального перехода: всё становится многосоставным и взаимозависимым, но, вместе с тем, разрозненным и конфликтогенным. Глобальные трансформации усиливают неопределённость, нагнетают изменчивость и риски в социальной жизни. Всё, что не готово к изменениям в культуре, всё чаще становится жертвой перемен и вызовов глобализации. Среди этих вызовов наиболее значимыми являются критические состояния культуры или переходы, определяемые как *кризис усложнённости*, *кризис управления*, *институциональный кризис*, *кризис различий* и *кризис идентичности*. Скорость перемен в современной культуре сопровождается нагнетанием неопределённости, что проявляется в отсутствии у мирового сообщества единой и сбалансированной стратегии выживания и социального миропорядка. В этой ситуации наука о культуре обретает качество методологической стратегии управления сложными системами и становится как никогда востребованной в поддержании устойчивого баланса развития цивилизации. По этой причине вопрос о трансформации культуры выходит на первый план культурологических дискуссий и общественных преобразований.

Научная мысль рефлексировала на ситуацию глобальной трансформации по-разному, но почти всегда наделяла её статусом пограничности или промежуточности. Особенностью современного переходного процесса является сопряжение (сцепление) локальных и универсальных модусов в существовании культуры, где ничтожно малые величины могут равняться по силе предельно большим культурным образованиям, т. е. самое незначительное изменение на элементарном уровне может иметь эпохальные последствия. Это обстоятельство актуализирует вопросы изучения критических ситуаций и культурной транзитивности, включая разработку оптимальных моделей трансформации культуры и переходного развития. Культура на переходе – не только главный нарушитель спокойствия в мире, но и бесценный источник разнообразных знаний, мощный ресурс развития, катализатор инновационных идей и креативного управления социальными преобразованиями.

Исследование трансформации культуры и социодинамики перехода имеет особую актуальность для понимания содержания и направленности процесса модернизации современной России, для разработки стратегии поступательного и сбалансированного развития мультикультурного общества.

Степень разработанности проблемы. Переходные состояния в развитии культуры являются одной из сложнейших областей познания в социальных и гуманитарных науках. В истории общественной мысли значительные идеи в

изучении социальных изменений и эпохальных переходов содержатся в трудах Августина, Й. Гердера, Г.-Ф. Гегеля, Ф. Ницше, О. Конта, К. Маркса, В. Вундта, З. Фрейда, О. Шпенглера, К. Ясперса, Х. Плеснера, П. Тиллиха, П. Сорокина, А. Тойнби, Э. Мунье, П. Тейяра де Шардена и др.

В российской классической историографии данная тема находит своё фундаментальное отражение в сочинениях М.П. Погодина, Н.И. Надеждина, Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Н.Ф. Фёдорова, В.С. Соловьёва, Е.Н. Трубецкого, М.О. Гершензона, А. Белого, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, И.А. Ильина, Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, Я.Э. Голосовкера, А.Ф. Лосева, Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана и др.

В современном гуманитарном знании различные трактовки переходного процесса и критических состояний культуры представлены в концепциях А.С. Ахиезера (переходная культура как кризис воспроизводства упорядоченности социальных связей), Э.С.Маркаряна (культурный кризис как дезинтеграция и дисфункция системных связей), В.М. Межуева (современность как кризис цивилизационной идентичности), Н.А. Хренова (переходный процесс как смена жизненных циклов культуры), А.М. Кантора (переходный процесс как способ перекодирования культуры), С. Хантингтона (глобальный кризис как столкновение цивилизаций), З. Баумана (современная культура как распад индивидуализма), Й. Галтунга (культурная напряжённость как структуральный конфликт), Ю. Хабермаса (глобализация культуры как коммуникативный сдвиг), А. Хоннета (кризис культуры как нарушение коллективного опыта), Ф. Фукуямы (современная культура как конфликт истории и постистории), И. Валлерстайна (глобальная трансформация культуры как кризис мир-системы), Ж.-Ф. Лиотара (кризис как недостаток культурной реальности), Р. Жирара (кризис как обезразличивание культуры), Ж. Бодрийяра (кризис как опустошение культуры и её симуляция), Э. Гидденса (кризис как деинституционализация культуры) и др.

По тематической направленности, характеру и специфике объектов интерпретации в современном гуманитарном знании выделяются *четыре основных ракурса* осмысления переходного процесса и трансформационной динамики культуры, которые рассматриваются:

1) в контексте изучения критических состояний культуры, смены исторических парадигм и глобальных вызовов цивилизации (А.С. Ахиезер, Д. Беннетт, В.П. Булдаков, И. Валлерстайн, Й. Галтунг, Э. Гидденс, Н. Гилхот, М. Годелье, Г.Г. Дилигенский, Л.Г. Ионин, Я.Р. Исар, А.М. Кантор, И.В. Кондаков, Э. Лясло, Х. Линдборг, А.П. Назаретян, К.С. Пигров, С.Н. Полтораки, Г. Ритцер, Н. Своб-Докич, Т.Ю. Сидорина, Х. Старр, Е.И. Степанов, А.Г. Франк, С. Хантингтон, Д. Хедьд, Н.А. Хренов, Е.Б. Черняк, М.А. Чешков, Н.А. Чёрная, Ш. Эйзенштадт, Ю.В. Яковец, И.Г. Яковенко и др.);

2) в дискурсе культурно-генетического анализа антропологических оснований культуры, механизмов и артефактов исторической трансформации, становления, воспроизводства и диффузии культурных форм, способов оп-

редмечивания, адаптации и выживания, взаимодействия традиций и инноваций, кросс-культурных и мультикультурных преобразований (С.А. Арутюнов, В.Н. Боряз, В.С. Бочаров, В.С. Бочкарёв, Ю.В. Бромлэй, В.А. Геодакян, А.В. Коротаев, Р. Лайтон, Э.С. Маркарян, В.М. Массон, Ю.В. Павленко, Э.В. Сайко, М. Салинс, Ю.А. Смирнов, Д. Стюард, А.Я. Флиер, В.А. Шнирельман, П. Штомпка и др.);

3) как проблема феноменологического понимания сущности и специфики явлений переходности в русле изучения онтологических параметров культуры, анализа границы и перехода, пространства и времени, порядка и хаоса, постоянства и изменчивости, идентичности и разнообразия, индивидуального и универсального в культурном процессе и пр. (В. В.Василькова, Л.Е. Бляхер, Ж. Бодрийяр, Р. Будон, Д. Грин, Ж. Делёз, Ж. Деррида, М.С. Каган, В.А. Конов, Р. Ле Коадик, Ж.-Ф. Лиотар, С.Ф. Мартынович, В.М. Межуев, В.И. Сви-дерский, В.С. Степин, М. Фуко, Ю. Хабермас, А. Хоннет, О.М Штомпель и др.);

4) на уровне исследования генезиса и развития отдельных структур и институтов трансформации, включая инкультурацию, социализацию перехода, ритуальный процесс, мифо-символическую деятельность, коммуникативные технологии, социальное нормотворчество, визуальные и меморативные ценности и пр. (В.П. Большаков, С.Т. Вайман, О.Н. Глазунов, В.В. Глебкин, Я.Э. Голосовкер, Р. Жирар, С.Н. Иконникова, В. Капферер, Р. Кимболл, Х. Крамер, Э.А. Куруленко, В. Ла Барре, Ю.М. Лотман, С.Т. Махлина, Л.М. Морева, Л.М. Мосолова, А.А. Пелипенко, Ш. Плаггенборг, В.В. Селиванов, Д.И. Спивак, В. Тэрнер, В.Н. Топоров, С.С. Хоружий, М.А. Шабанова, Р. Шечнер и др.)

Важно различать в изучении смены культурных форм понятия *изменение*, *трансформация* и *переход*. Всякий переход есть изменение, но не всякое изменение можно классифицировать в строгом понимании термина как переход. По Б. Малиновскому культурные изменения есть более или менее быстрый процесс, при котором социальный порядок переводится из одного типа в другой. При этом изменения обычно не затрагивают сущностные стороны самой изменяемой вещи, и она может оставаться прежней. Трансформация представляет интерактивное социальное изменение системного характера. В современном мире трансформация обеспечивает структуры для культурных переходов от национальных к глобальным контекстам.

Собственно *переход* можно определить в культурологическом дискурсе как процесс, при котором происходят радикальные изменения, переводящие одно состояние культурной системы в другое в пределах одной процессуальной длительности. Переход может быть представлен как конечный результат изменения (транзикация) и как процессуальный континуум, актуализирующий перевод сущности из одного состояния в другое (транзитация). При этом *трансформация* выступает в качестве основного способа актуализации (осуществления) перехода, радикальное, качественное преобразование сущност-

ных характеристик объекта (явления), вызванного воздействием на него некоторого фактора. Следует заметить, что понятие «переход» все чаще используется в социологии, культурной антропологии, демографии как синоним модернизации. Но некоторые исследователи предпочитают понятие «трансформация» – менее эволюционистское и более систематизированное.

Несмотря на многочисленные публикации по проблемам трансформации культуры, нельзя не признать, что в современной культурологии недостаточно представлены комплексные и системные исследования культуры на переходе. Практически отсутствуют концептуальные стратегии жизнеспособности и выживания переходной культуры. В связи с чем, возникает настоятельная необходимость в выявлении, обосновании и классификации переходного процесса как культурной реальности. При этом решать научную проблему целесообразно на основе социокультурного моделирования и культурно-генетической интерпретации динамики культурных трансформаций и сдвигов.

Цель исследования состоит в разработке и обосновании моделей трансформации культуры и типологии переходного процесса.

Для достижения поставленной цели формулируются следующие **задачи**:

1. Раскрыть историографические и когнитивные предпосылки, принципы и особенности исследования трансформации культуры и переходного процесса.

2. Обосновать феноменологические основания переходного процесса как культурной реальности и определить модели культурных изменений в ситуации перехода.

3. Выявить структуру и формы развёртывания трансформационного процесса в контексте его онтологических границ и осуществления переходов.

4. Показать модели взаимодействия и трансформации традиций и инноваций в меняющейся культуре.

5. Выявить типы культурных трансформаций в динамике переходного процесса.

6. Раскрыть содержание социо-нормативных манифестаций в адаптогенезе культуры и проанализировать символические, языковые и ритуально-мифологические способы трансформации культуры в переходном процессе, выявить их семантические и коммуникативные значения.

7. Раскрыть смысл и назначение предметных артикуляций (артефактов) и меморативных объектов (наследие) культуры в переходном процессе.

8. Показать особенности глобализации культуры как кризиса усложненности и конфликта перехода и определить модели мир-системной трансформации.

9. Классифицировать модели и типы мультикультурной трансформации и интеграции, выявить императивы и формы культурного разнообразия и устойчивого развития современной культуры.

Объектом исследования выступает феномен трансформации культуры как переходный процесс и его социокультурные манифестанты (модели).

Предметом исследования является переходный процесс в культуре: формы, типы и динамика становления, воспроизводства и изменения культурных систем в ситуации перехода и транскультурной интеграции.

Теоретические и методологические основы исследования составили, прежде всего, общие структуралистские (К. Леви-Строс, В. Тэрнер, Р. Жирар и др.) и философско-антропологические (Х. Плеснер, А. Гелен, Э. Ротхакар и др.) традиции в интерпретации культурных изменений. В работе использовались и другие общегногитивные установки в анализе феномена трансформации. Так, в концептуализации и классификации моделей трансформации культуры и переходного процесса были востребованы методологические подходы и принципы, предлагающие рассматривать культуру как надсоматическую деятельность по преодолению (снятию) и минимизации социально-родовой отчуждённости человека (К. Маркс, З. Фрейд, К. Ясперс, П. Тиллих и др.), как способ упорядочивания и преобразования социальной действительности (В.С. Соловьёв, А.Ф. Лосев, Д.С. Лихачёв, С.С. Аверинцев) и учитывающие культурно-генетические (Э. Сепир, Г. Гирц, Э.С. Маркарян и др.) детерминанты культурных переходов. В построении содержательных моделей культурной трансформации, в выявлении структурной спецификации переходного процесса, в анализе его морфологии, стадийности и направленности эвристически ценными явились идеи Х. Плеснера (принцип оппозиционного структурирования); К. Леви-Строса (концепции бинарных оппозиций и дифференциальных разрывов); И. Пригожина (теория неравновесных систем); В.И. Свидерского (понятия «пластические структуры», «отношения структур» и «структурный синтез»); Я.Э. Голосовкера (концепция имажинативного абсолюта – взаимоотношения постоянства и изменчивости в культуре); А. Крёбера (динамика конфигуративного роста); а также И. Валлерстайна (концепция сущностной рационализации и мир-системного анализа).

В изучении переходного процесса важным представляется использование *системного подхода* и определение исходных позиций и принципов рассмотрения меняющейся культурной реальности. В диссертации используется *принцип моделирования* культурных трансформаций как своего рода оптимальная «смотровая площадка» в анализе меняющейся реальности. *Модель* рассматривается как аналог изучаемого объекта или его идеальный шаблон, воспроизводящий при определённых условиях свойства оригинала. Принцип моделирования позволяет охватить наиболее существенные факты, признаки и грани изучаемого явления без потери его целостного образа. Моделирование культурных процессов предполагает также применение целостного подхода к изучению транзитивных состояний культуры. Под *целостностью культурной системы* понимается внутреннее структурное единство культуры, обеспечивающее её внешние функциональные связи со средой и другими культурами. Принцип моделирования и целостный подход позволяют выявить, обосновать и диверсифицировать системообразующие параметры и

динамические свойства переходного процесса, а также типологизировать различные стадийные и морфологические ситуации трансформации культуры.

Методы диссертационного исследования определяются тематическим ракурсом и спецификой изучаемого объекта, что обуславливает когнитивную плюралистичность и диверсификацию аналитического инструментария, применяемого в работе. Так, в раскрытии и обосновании логики и направленности развития культурного процесса целесообразно использовать различные методы: *структурно-функциональный* (для выявления и анализа иерархически организованных сущностей, принципов, морфологии и параметров социодинамики переходности и моделирования процесса культурной трансформации); *типологический* (для объективации стадийной градации и классификации устойчивых наборов культурных признаков переходного процесса, выражающих отличие одного трансформационного ряда переходности от другого как во времени, так и в пространстве); *семиологический* (для раскрытия и толкования культурных значений переходности, её материальной (вещественной), ментальной, художественной и мифо-символической манифестаций); *мир-системный анализ* (для выявления и интерпретации динамических свойств мир-культурной целостности, функционирующей через взаимозависимость своих частей, а также для когнитивного анализа мультикультурных трансформаций и способов межкультурной интеграции); *феноменологический* (для установления сущностных оснований и онтологических границ переходности, событий и артефактов трансформации); *культурно-генетический* (для выявления антропологических детерминаций в становлении культуры, принципов и механизмов зарождения и трансформации культурных сущностей, их воспроизводства, интеграции и преобразования в новые культурные конфигурации).

Культурологический подход, используемый в диссертации, позволяет рассматривать каждый эволюционный ряд в развитии культуры как специфический способ существования данной культурной системы. Переход от одного такого способа существования к другому и составляет *содержание* культуры на переходе. Это содержание складывается из внешних и внутренних структурно-функциональных связей системы. Основными *критериями типологии переходного процесса* выступают содержательные компоненты (включая соотношение традиций и инноваций, степень структурирования культурных систем) и направленность развёртывания культурных сдвигов.

В качестве изучаемого субстрата развития принимаются *социокультурные системы*, где обнаруживаются как всеобщие системные качества, так и особенные манифестанты переходности или культурные универсалии, которыми выступают социальное нормотворчество, ритуальный процесс, символическо-знаковые комплексы, художественно-эстетические ценности, меморативная практика, коммуникативные технологии и пр.

Аналогами исторической реальности выступают эпохальные переходы (от эгалитарных обществ к цивилизации, от машинной цивилизации к инфор-

мационному обществу и др.), революционные и военные потрясения (утверждение советской власти, переход от тоталитаризма к демократии, гражданские войны и конфликты в постсоветском пространстве и в современном мире, включая революционные события 2011 года в странах арабского Востока и др.) и социокультурные сдвиги (от национальных культур к мультикультурным конгломерациям, от локального развития к глобальной интеграции и др.).

Источниками культурологического анализа и типологизации являются трансформирующиеся культуры, исторические ситуации, мир-системные сдвиги, социальные преобразования, ритуальные и символические действия (соционормативные отношения, язык, ритуал, предметные артикуляции (вещи), поведенческие стереотипы, меморативные комплексы и пр.) и их когнитивные модели.

Научная новизна диссертации. В диссертационной работе впервые комплексно и системно:

1. Обоснованы феноменологические основания переходного процесса как культурной реальности и определены парадигмы культурных изменений в ситуации перехода, представленные четырьмя моделями: деструктуризация, транспликация, идеализация прошлого и абсолютизация будущего.

2. Раскрыты структурные и полифункциональные параметры (модальность, контентуальность, темпоральность и континуальность) переходного процесса и его морфологические компоненты (конкрет, контент, модус, траектория, тренд). Введены в научный оборот новые концепты: «транспликация культуры», «культурная транспиальность», «культурная хронаксия» и др., позволяющие зафиксировать ключевые значения и положения транзитивных спецификаций в культурном процессе.

3. Определены модели взаимодействия традиций и инноваций в меняющейся культуре, в т.ч. модели синтетической, инновационной, традиционалистской и конфронтационной трансформаций.

4. Разработана типология переходного процесса (эпохальные, субэпохальные, локальные переходы) и дана классификация видов транзитивного развития (макропереход, метапереход, медиапереход).

5. Выделены области большой и малой трансформации в социодинамике переходной культуры, а также определены способы адаптации и выживания культуры в ситуации социальной конфронтации и кризиса. Установлено, что переходный процесс разворачивается в двух бинарных направлениях: институциональном и имажинативном, которые конституируют две содержательные транзитивные проекции: зоны стационарности и кризиса.

6. Выявлены и обоснованы способы адаптации культуры на переходе: мифологизация, ритуализация, символизация и эстетизация. Раскрыты адаптивно-компенсаторные функции социально-нормативных, ритуально-символических, вербально-коммуникативных комплексов как способов переквалификации трансформирующейся культуры в условиях её структурной не-

достаточности, а также выявлены культурологические основания в трансформации предметных (вещественных) и меморативных артикуляций культуры, показаны их креативные возможности в структуре социальных преобразований.

7. Показаны особенности глобализации культуры как кризиса усложненности и мир-системной трансформации и определены девять типов переходов в культурном процессе: *временной* – от консервативных традиций к инновационному проектированию; *пространственный* – от локализма к глобализму, от оседлости к неопомадизму; *социальный* – от механического объединения людей к гражданскому обществу; *антропологический* – от унификации к индивидуализации; *технологический* – от машинного производства к информационно-коммуникативным технологиям; *экономический* – от локально-хозяйственной деятельности к транснациональной интеграции; *политический* – от авторитаризма к демократии; *идеологический* – от монополизма к плюрализму; *культуральный* – от монокультуры к мультикультуре или мир-культуре.

8. Разработаны модели структурной трансформации и мультикультурной интеграции, фиксирующие различные уровни социодинамики культуры (модели синкретизма, сепарации, идентификации, диверсификации, и др.), а также концептуализирована стратегия социальных преобразований в культурном процессе (модель транспликации или мультикультурного синтеза).

9. Разработаны, на основе концепта культурной транспликации, модели мультикультурной трансформации и глобальных переходов как способов организации миропорядка в ситуации культурного разнообразия с высоким уровнем сложности культурной системы и показаны возможности и опыт участия России в этом интеграционном процессе.

Основные положения, выносимые на защиту. В соответствии с полученными результатами исследования сформулированы следующие положения:

1. Трансформация культуры есть переходный процесс, в котором осуществляется радикальное, качественное преобразование культурной системы, направленное на преодоление и выстраивание границ посредством структурирования, реорганизации и опредмечивания культурных сущностей. Трансформационный процесс выражает ситуацию незавершённости культуры, которая служит условием и способом перехода, актуализирующего взаимодействие модусов отсутствующего и присутствующего бытия.

2. Фундаментальным основанием трансформации культуры является онтологическая недостаточность, обусловленная генеральным противоречием между постоянством мир-культуры и изменчивостью мир-природы. Антропологические детерминанты трансформации позиционируют переход культуры от *экзистенции* (понимаемой в работе как отчуждение человека от его сущностного бытия) к *эссенции* (оптимальной структурной упорядоченности).

3. Культурно-генетические механизмы взаимодействия традиций и инноваций в переходной культуре определяются социо-культурными (культурно-историческими) контекстами, их сопровождающими. Адаптивная устойчивость культурной системы на переходе обусловлена соответствием институциональных и имажинативных возможностей культуры, а также сбалансированным отношением традиционного и новаторского в культурном процессе (синтетическая модель культурной агрегации).

4. Глобальные трансформации приводят в движение транзитивные процессы различных типов: онтологический – макропереход, парадигмальный – метапереход, интституциональный – медиапереход и пр. В этих условиях возникает необходимость формирования *культуры перехода* как стратегии управления культурными изменениями.

5. Современность определяется как *эпоха мультиперехода*, при котором осуществляется мир-системная транскрипция культур и на основе которых формируется интегральная функциональная целостность антропосферы или *транскультура*.

6. В ситуации критической неопределённости возрастает регенерирующая роль социально-нормативных, ритуально-символических, вербально-коммуникативных и меморативных комплексов в доопределении и в достраивании меняющейся культуры. Способность этих универсалий упорядочивать, артикулировать, сохранять и ретранслировать смыслообразы переходности позволяет рассматривать их как адаптивные факторы и механизмы семиотической переквалификации, социализации и реорганизации культуры.

7. Смысл символического моделирования переходного процесса состоит в том, что посредством социально-символических трансформаций не только снимается культурная дефициентность и конфликт изменений в переходной культуре, но и осуществляется необходимый структурный сдвиг по формированию новой культурной реальности. *Метафоры трансформации* позволяют этот сдвиг доопределить, *ритуальные действия* его экранизировать, а *меморативные объекты* – сохранить, а, следовательно, нейтрализовать непредсказуемые вызовы трансформации.

8. В мультикультурализме, как многосоставном интегральном процессе и социокультурном движении, выявляется не столько синдром локального проектирования, сколько общечеловеческая стратегия адаптации и выживания в условиях роста культурного разнообразия и демократии. Культуры взаимодействуют в силу своих конфигуративных идентификационных особенностей и антропологической сущности не фронтально, а в композиции различных «выступов» и «срезов».

9. Мультикультурная модель интеграции мир-культуры предполагает *транспозицию* и *транскрипцию* (полиструктурное сцепление) различных культурных целостностей или культурных конфигураций. Современность предстаёт как глобальный идентификационный процесс генерализации и ин-

дивидуализации многосоставных переходных состояний или транспликация различных мультикультурных конгломераций.

Теоретическая и практическая значимость. Социально- феноменологические прояснения сущности культурных преобразований в ситуации перехода могут способствовать концептуализации проблемы адаптационных возможностей переходного общества и уточнению динамики конструктивного и деструктивного развития культуры.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования связана с разработкой новых культурных технологий, конструктивно воздействующих на процесс современной модернизации и социально-культурных преобразований в России, что может способствовать практике эффективного управления инновационной деятельностью и сбалансированному развитию во взаимоотношениях государственных институтов и гражданского общества, а также содействовать разработке принципов разрешения и преодоления межкультурных конфликтов, социальной конфронтации и прочих деструктивных ситуаций. Разработанные в диссертации социокультурные модели переходного процесса («культурная транспликация», «структурная интеграция», «институциональная и имажинативная трансформации» и пр.) могут быть полезными в диагностике и профилактике культурных деформаций и критических состояний в меняющемся обществе, а также в практике преодоления кризиса и оптимального реагирования на вызовы глобализации как на уровне локальных (национальных) культур, так и в масштабе мультикультурных сообществ («транскультурный синтез»).

Апробация работы. Основные положения диссертации докладывались и обсуждались на международных научных форумах «Управление изменениями: креативная экономика и социальные инновации в мультикультурном мире» (Самара, 29 июня 2011 г.); «Креативность в пространстве традиции» (СПб., 27-29 октября 2010 г.); «Семиотика кризиса: императивы выживания, обновления и развития» (Самара, 19-20 мая 2010 г.); «Границы и переходы: социальные инновации в культурном процессе» (Самара, 25-26 марта 2010 г.); «Разнообразие и идентичность: гуманистические основания всемирного наследия и мультикультурного развития» (Самара, 26-27 ноября 2009 г.); «Инновации, творчество и изменения в глокализованном мире» (Лондон, 29-31 октября 2009 г.); «Трансформации: риск, кризис, адаптация» (Самара, 29-30 сентября 2008 г.); «Всемирный археологический конгресс – 6» (Дублин, 29 июня – 4 июля 2008 г.); «XV конгресс Международного союза доисторических и протоисторических наук» (Лиссабон, 4-9 сентября 2006 г.); «Европейская культура – 8» (Памплона, 26-29 октября, 2005 г.); «Преступление и наказание в пространстве культуры: теория, история, современность» (Самара, 17-18 декабря 2003 г.); «XXI век – век антропологии» (Уиллиамсбург (США), 26 июля – 1 августа 1998 г.), «Европейская культура – 4» (Памплона, 26-29 октября, 1996 г.) и на всероссийских конференциях «Динамика культуры в обществе социальных инноваций», (Самара, 23-24 мая 2011 г.); «Трансформация

артефактов и артефакты трансформации» (Иркутск, 14-24 апреля 2011 г.), «Я и Мы. История, психология, перспективы» (СПб, 30-31 мая 2002 г.) и др.

Материалы диссертации легли в основу специально организованных соискателем тематических секций «Ритуальный процесс и символическая идентичность» в рамках Пятого Всемирного археологического конгресса в Вашингтоне (21-26 июня 2003 г.) и «Культуры и переходы» на Четвёртой Международной конференции «Европейская культура» в Памплоне (26-29 октября, 1996 г.), а также были представлены в цикле организованных Самарским культурологическим обществом междисциплинарных форумов «Социальные инновации в культурном процессе» (Самара, 2004-2011 гг.) и на международных семинарах «Культурное наследие и новые технологии» (Вена, 8-12 апреля 2003 г. / 3-5 ноября 2008 г.).

Результаты и выводы диссертационного исследования использовались для разработки методических материалов и лекционных курсов по теории и методологии культуры, сравнительной культурологии, культурной антропологии, семиотике для студентов Самарской государственной академии культуры и искусств. Положения диссертации были изложены в 25 научных публикациях (общий объем – 71,3 п.л.), в том числе трёх монографиях. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры теории и истории культуры Самарской государственной академии культуры и искусств.

Структура и объём работы обусловлены целью и задачами диссертационного исследования, которое состоит из введения, трёх глав, включающих 13 параграфов, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновываются актуальность темы исследования, теоретические и историографические предпосылки её разработки, определяются цели, задачи и методы работы.

Глава 1. «Переходный процесс как культурная реальность» раскрывает историографические, когнитивно-методологические и теоретически предпосылки, принципы и особенности исследования трансформации культуры и переходного процесса. Выявляются феноменологические и культурно-генетические основания изменений и переходов, определяются позиции, свойства и параметры переходного процесса как культурной реальности и обосновываются модели структурной трансформации и адаптации меняющейся культуры.

В параграфе 1.1. «Культурный процесс: границы и переходы в дискурсе гуманитарного знания» рассматриваются эвристическая и методологическая значимость феномена переходности в науке о культуре в контексте различных концептуальных видений и трактовок, представленных в классической и современной историографии изучаемой темы. Устанавливается, что о переходном процессе можно говорить в двух измерениях: как о *переходе историческом*, при котором осуществляется смена жизненных циклов культуры и

эпохальных парадигм, так и о *переходе онтологическом*, когда весь путь развития культуры есть универсальный многовекторный процесс перманентного становления и изменения социальной жизни людей. По существу, «жизнь есть переход от нераскрытых потенций к актуальным реальностям», и переход выражает не что иное, как селекцию бытия (Х. Плеснер). Переходность рефлексруется как схема и модель реорганизации культуры и рассматривается в онтологическом единстве возможного и невозможного, становящегося и нестановящегося, «становясь иным», переход «остаётся тем, что есть». Другой важный момент связан с интерпретацией «единства в многообразии» и позволяет прояснить некоторые аспекты глобальной мир-системной трансформации и мультикультурной интеграции. Эти процессы осуществляются в культуре посредством механизмов «растворения в многообразии частей и как стягивающая из всех частей сосредоточенность» (Х. Плеснер). В современном гуманитарном знании нет единого мнения во взглядах на то, какие периоды следует определять как переходные. По каким критериям выделяются границы и характер переходности в истории культуры? Некоторые исследователи видят в переходности перманентный процесс исторического движения культуры (К. Ясперс, Х. Плеснер, Е.Б. Черняк и др.), другие рассматривают переходный процесс как промежуточный цивилизационный комплекс (А.С. Ахиезер, С.С. Аверинцев, М. Годелье и др.) и акцентируют внимание на необходимости тщательного анализа данных промежуточного состояния в эволюции культуры. Так, по мнению А.С. Ахиезера, в современном гуманитарном знании создаётся «необходимость изучения специфики промежуточной цивилизации». Е.Б. Черняк полагает, что «все этапы всемирной истории являются переходными эпохами». Учитывая различные трактовки переходности обосновывается гипотеза, что при функционировании общества развиваются целостные динамичные «системы» меняющие свои структуры. Кроме того, предлагается рассматривать переходную реальность как способ реорганизации расстроенных социальных отношений и конструирования нового культурного порядка.

В концепции Ю. Хабермаса современность предстаёт как переход от нарушенной целостности к всемирному гражданству через новую коммуникативную структуриацию. В этой «борьбе за признанис», как показал А. Хоннет, артикулируется коллективный опыт нарушенной целостности. При недостаточном структурировании (институционализации) культурной среды важную роль в упорядочивании и регламентации отношений в меняющемся социуме могут сыграть те элементы, которые находятся между структурами и ими же поддерживаются. Речь идёт о культурной вовлеченности в трансформационный процесс межструктурных образований, коими выступают мифо-символические, фольклорные и имажинативно-художественные универсалии или так называемые (в терминологии В. Тэрнера) «коммунитас» (структурные пустоты). Здесь вспоминается также важная реплика Р. Будона, напоминаю-

щая о том, что «за структурными элементами скрывается множество элементов неструктурного характера».

К. Гирц исходит из того, что в ситуации перехода культура пребывает как бы в двух модусах трансформации: изменение социального порядка (иерархии отношений) и изменение культурных ценностей (правил поведения). Эти модусы выражают двойной разрыв культурной реальности: трансформацию социальных структур и смену мировоззренческих парадигм. Функциональная двойственность структуры в переходном процессе проявляется и в том, что она может конституироваться как результат изменений и само средство преобразований. По Э. Гидденсу, структура не только принуждает, но и дает возможности. В этой связи представляет интерес генетический структурализм, или структурная история П. Бурдьё, который «находит в каждом состоянии структуры одновременно и продукт предшествующей борьбы за трансформацию или сохранение структуры, и принципы последующих трансформаций».

Посредством трансформации снимается присущий переходной *реальности недостаток реальности*, с которым культура всякий раз сталкивается на перепутье, и актуализируется открытие, связанное «с изобретением других реальностей» (Ж.-Ф. Лиотар).

Н.А. Хренов выделяет четыре парадигмы исследования переходного времени в истории: 1) эволюционистская; 2) циклическая; 3) бифуркационная; 4) инверсионная. При этом в структуре перехода различаются три последовательные фазы: предпереходной, переходной и постпереходной трансформации. Некоторые исследователи считают возможным связывать современные турбулентные состояния культуры с обострением внутренних противоречий гомосферы, вызванных структурными диспропорциями и нарушением техно-антропологического баланса в системе общечеловеческого жизнеобеспечения (Э.С. Маркарян, Ю.В. Яковец, А.П. Назаретян и др.).

В параграфе 1.2. «*Парадигмы культурных изменений: феноменология перехода*» раскрываются феноменологические и культурно-генетические аспекты трансформации культуры, которая предстаёт как сложный и динамичный процесс переработки (опредмечивания) природных и социальных сущностей. Переход выступает здесь как путь от предвосхищения бытия к актуализации сущего. В переходном процессе выражают себя различные модусы бытия: становление откуда и куда, формирующее соответственно «исходное нечто» и «конечное нечто». Переход есть всегда реализация сущей (наличествующей) возможности трансформации того, чего «уже нет», через то, что уже имеется в «нечто иное» и затем в то, «чего ещё нет» (Х. Плеснер). Тем самым переход выражает незавершённость культуры, которая, в свою очередь, служит условием перехода, возможностью преодоления недостаточности сущего. Поскольку человечество не образует единого целого: в мировом сообществе множество границ, по меньшей мере столько, сколько входит в него культур. Антропологическая стратегия развития состоит в том, чтобы эти границы не разобщали мир-культуру, а взаимодополняли и взаимообога-

шали, обеспечивая функциональную целостность мультикультурного разнообразия. Мир-культура понимается как структурно сопряжённая глобальная система взаимодействия культур и культурных ареалов.

Онтологический смысл перехода заключен в ситуации транспликации модусов отсутствующего и присутствующего бытия. Отсутствующее – это *отсроченное, от-ставленное*, ожидающее бытие. Отсутствующее понимается как то, что предшествует культуре и одновременно принадлежит ее сущности (Х. Плеснер), и то, что ей не хватает, что выражает ее незавершенность. Можно сказать, что всё самое важное в культуре разворачивается на стороне модуса отсутствующего, но средствами присутствующего бытия. Присутствие можно понимать как заполненное пространство. Тогда как отсутствующее есть пространство открытое, незаполненное и потому провокационное.

Выделяются две группы элементов в дискурсе присутствующего и отсутствующего. К элементам, выражающим присутствующее, следует отнести, прежде всего: а) биосоциальный субстрат; б) материализованные, наличествующие артефакты, вещи, предметы, явления, символы, вербальные знаки культуры и пр.; в) социально-нормативные (формально-структурные) институты культуры. К элементам, выражающим отсутствующее позволено отнести: а) био-антропологическую дефициентность (недостаточность); б) идеациональные ментифакты, то есть идеальные конструкции воображения, разума – идеи, замыслы, цели, задачи, проекты, образы, ожидания и пр.; в) неинституализированные (неформальные, неструктурированные) отношения и манифестации – мифотворчество, фольклорно-художественные имажинации и пр.

В этой связи в переходе позиционируются различные модели культурных изменений. Культура на переходе есть связующее бытие – момент развертывания и становления настоящего в интервальном континууме между прошлым и будущим. Культура в актуализации перехода опирается на два пространственно-временных фланга: 1) прошлое (традиции, наследие) и 2) будущее (инновации, цели, проекты). Только подчеркивая границы своего прошлого и будущего, культура обретает настоящее. Представляется возможным выделить четыре модели развития в ситуации структурной трансформации переходной культуры: 1. *Деструктуризация* традиционных (опыт прошлого) и неоформленность новаторских (проектирование будущего) институтов и ценностей. 2. *Транспликация* современного через синтез прошлого, настоящего и будущего. 3. *Идеализация и сакрализация прошлого* (традиционализм). 4. *Абсолютизация будущего* (футуристический романтизм, нигилизм). Каждая из этих моделей отображает *четыре различные социокультурные ситуации* в осуществлении перехода. Но лишь вторая модель, определяемая как *транспликация*, может рассматриваться как сбалансированный переход от критической трансформации к устойчивому социальному развитию.

Параграф 1.3. «Традиции и инновации в переходном процессе: виды взаимодействия» развивает понимание динамики культурных изменений че-

рез призму осмысления и моделирования соотносимости традиционного и новаторского в адаптогенезе культуры. Источники, механизмы и направленность развития и взаимодействия традиций и инноваций в культуре определяются социокультурными (культурно-историческими) контекстами, их сопровождающими. При этом традиции и инновации могут актуализироваться многообразными векторами развития, включая эволюционные и инволюционные процессы. Под *традицией* понимается способ фиксации поддержания и передачи, устоявшихся состояний сущностей или набора характерных признаков, длительно существующих в определенном культурном континууме. Традиции выражают меморативный (наследуемый) в коммуникативном пространстве культуры комплекс, устойчиво обеспечивающий воспроизводство культурного опыта. Тогда как *инновация* это способ осуществления структурного сдвига (изменение), который выражает отклонение от средних значений сущностей, прерывающий или преобразующий устоявшийся культурный опыт и стереотипы социального поведения. В одном случае традиции обеспечивают устойчивое воспроизводство культурного опыта, сохраняя и меморализируя основные социальные ценности (консервация). В других случаях: происходит общая деградация культурных традиций и утрата ими своей функциональной обусловленности и полноты развития (*рудиментация*) либо традиции пребывают внутри замкнутых сепаратных образований в состоянии неподвижности и заточения (*иммурация*), либо в результате перестановки и трансформации основных традиций культура начинает развиваться в обратном направлении (*инверсия*).

В эпоху глобализации (в отличие от предшествующих исторических периодов, когда на становление традиции уходили века и даже тысячелетия) инновации трансформируются в традицию беспрецедентно быстро и всё чаще не успевают обрести качество традиции, т.е. воспроизвести необходимый объём меморативной информации. Как следствие, ресурсы традиций в арсенале адаптивных средств современной культуры катастрофически сокращаются. Отсюда неизбежный конфликтотенный разрыв между сокращающейся в культуре сферой постоянства (традиций) и возрастающей сферой изменчивости (инноваций). Между традициями и инновациями различия стираются с нарастающей силой. Это *обезразличивание* приводит к эскалации структурной напряжённости и насилия – к событию, которую Р.Жирар определяет как «жертвенный кризис».

Анализ современных вызовов и структурных диспропорций позволяет выделить в типологии переходных процессов четыре основные модели взаимодействия традиций и инноваций: 1. *Синтетическая модель* – модель культурной агрегации – предполагает расширение границ культурной реальности посредством конструктивного взаимодействия и синтеза традиций и инноваций внутри самой культуры. В основе этих изменений лежат, прежде всего, внутренние возможности культуры. 2. *Инновационная модель* – модель культурной ассимиляции – характеризует состояние наступательного проникновения

в традиционную культуру инновационных, чаще всего внешних, инокультурных ценностей. В данном случае интервенция инноваций вытесняет и подавляет традиционную культуру, которая всецело подчиняется инокультурной социальной реальности. Историческими примерами такой модели являлись колонизированные культуры Нового времени и советские национальные республики. Радикальными проявлениями модели ассимиляции можно считать сталинизм, нацизм, где инновационное вторжение в культуру было реализовано в форме тоталитарного идеологического монополизма. 3. *Традиционалистская модель* – модель культурной сепарации реализуется – под воздействием интервенции традиций. Эта модель изоляционного развития, т. е. самозамыкания и отгораживания культуры от внешнего мира. Традиции вытесняют инновации (внутренние и внешние) и покрывают культуру рудиментарными образованиями. Модель культурной сепарации отчетливо проявилась в Иране после исламской революции (1979 г.) и в Афганистане после прихода к власти талибов (1996 г.). 4. *Модель культурного коллапса* – характеризует бесструктурное состояние культуры в ее крайне деструктивной форме. Культура не располагает внутренними ресурсами для освоения или сопротивления инновациям. В результате чего, нарастает деструкция. Распадаются традиционные механизмы культуры. Деструктивная изменчивость размывает постоянство культурных форм. В культуру прорывается хаос и наступает тотальный кризис. Примером такой модели развития событий могут служить гражданские войны в Таджикистане (1992-1994 гг.), Киргизстане (2005 г., 2010 г.), затянувшаяся война в Афганистане (особенно после свержения в 2001 г. талибов), в Ираке после свержения С. Хусейна (2003 г.) и в 2010-2011 гг. в других странах арабского мира, где произошли народные восстания и образовался институциональный вакуум власти (Египет, Йемен, Ливия, Тунис). Необходимо заметить, что все эти культурные потрясения следует трактовать не обособленно, а в контексте *макроструктурных трансформаций* мир-культуры. Каждая из четырех моделей имеет различные сценарии культурной адаптации. Но лишь модель *культурной агрегации* может рассматриваться как оптимальная, структурно сбалансированная форма реорганизации переходной культуры.

В параграфе 1.4. «Динамика культуры в переходном процессе: типология развития» выявляются и классифицируются основные параметры, морфологические особенности, тренды и области позиционирования сдвигов и переходов в культуре. Культурными манифестантами современного переходного процесса являются постмодернистские, постструктуралистские, деконструктивистские и прочие релятивистские по своей сути проекты. Глобальные трансформации заставляют взаимодействовать все структуры культуробытия. Это – ситуация, когда происходят не только и не столько взаимопроникновения и синтез старого и нового, сколько меняется сам способ культурной жизнедеятельности, когда переходное состояние становится не временной, а онтологической категорией. Данный процесс можно обозначить как

эпоху мультиперехода, при котором происходит глобальная/планетарная транспликация континуальных, темпоральных, контентуальных и модальных свойств культурной системы, на основе которых формируется интегральная функциональная целостность антропосферы или – *транскультура*. Образование *транскультуры*, или иначе *мультикультуры*, в известном смысле основано на так называемом законе целого, предполагающего переход от «бытия-в-себе» к «бытию-для-себя» (Ж. Делёз).

У переходной культуры, как трансформационной системы, есть своя морфология и функциональная спецификация, позволяющие осуществлять смену положений сущности в транзитивном движении системы. *Конкрет перехода* – это собственно сама переходная сущность, то, что меняется, и то, что одновременно выражает себя конкретной формой и онтологическим присутствием. *Контент перехода* – это содержание переходного процесса, то, что выражает и поддерживает внутренние возможности транзитации системы. *Модус перехода* определяет способ осуществления смены положений сущности в транзитивном движении культуры. *Траектория перехода* – это путь и дистанция переходного процесса, фиксирующая фазы, стадии и периоды в трансформационном движении системы. *Тренд (вектор) перехода* выражает направленность переходного процесса и задаёт ему определённую последовательность в смене основных положений культурной системы. Благодаря этим качествам *переход* следует рассматривать как *связующее бытие культуры*. Культурный процесс структурирован на основе бинарного оппозиционирования многомерных сдвигов и переходов, при котором «фаза разложения уравнивается фазой конструирования» (Х. Плеснер). По этой причине период институционального кризиса сопровождается усилением мифотворческой активности. В состоянии деструктуризации в культуре запускаются механизмы компенсации и реинтеграции жизненно важных структур и функций. Различаются *четыре основных способа* восполнения дефицитной культурной реальности в ситуации перехода: *мифологизация, символизация, ритуализация и эстетизация*.

В структуре переходного процесса необходимо различать *два направления развития* – вектор подъёма (рост стационарности) и вектор спада (рост кризиса). Подъём и спуск – это векторы, фиксирующие отклонения от экзистенциальной константы в бытии человека. Экзистенциальная природа человека служит фундаментальным основанием для запуска всех трансформационных процессов в культуре и является генеральным индикатором её конструктивных и деструктивных модификаций. Сплошная траектория культурной трансформации или девиации антропосферы может быть обозначена термином *абerrация*.

В онтологии транзитивного движения культуры *абerrация разворачивается в двух бинарных областях* культуротворчества – *институциональном и имажинативном*. Экзистенциальные вызовы принуждают человека решать две ключевые задачи своего выживания. Первая задача – *институализировать*

и преобразовать внешний мир (переработка продуктов природы и их перевод в продукты культуры, структурирование социума). Вторая задача – упорядочить внутренний мир антропосферы (мифо-художественное творчество и эстетико-символическое конструирование), т. е. опредметить или окультурить среду своего обитания как материально, так и духовно. Этими императивами задаются соответственно две траектории культурного развития – институциональная трансформация и трансформация имажинативная. Траектория *институциональной трансформации (аберрации)* в развитии культуры выражает вектор структурной материализации культурных потенций и предметно-нормированных сущностей. Культурными манифестантами институциональной аберрации выступают экономическая деятельность, политические движения, социально-правовые регуляции, идеологические системы, социально-этические постулаты пр. Культурное пространство можно условно разделить на две области: а) область *структурно-институциональной насыщенности* (гиперэкзистенциальный комплекс); б) область *структурно-институциональной недостаточности* (субэкзистенциальный комплекс).

Траектория *имажинативной трансформации (аберрации)* фиксирует направление развития духовно-мировоззренческих нарративов культуры. Это так называемые воображаемые (рефлексивные), структурно неоформленные сущности, свободные от институализированных фигурантов культурной системы. Манифестантами имажинативной аберрации в культуре выступают различные художественно-символические конструкты – мифотворчество, искусство, фольклор, символично-ритуальные комплексы, эстетические установки, романтические видения, неформальные движения пр. Траектория имажинативной трансформации конституирует (в обратно пропорциональном институциональной аберрации порядке) транзитивный сценарий и содержание мифо-символического поля культуры, или так называемый *большой переходный цикл культурной имажинации*. В этом транзитивном пространстве также выделяются большой и малые переходные циклы, которые, в свою очередь, образуют две зоны *мифологии стабильности* и *мифологии кризиса*. Область малых переходов распадается на два соответствующих ареала, условно определяемых как *гиперэкзистенциальный* и *субэкзистенциальный* имажинативные комплексы.

Таким образом, ось бинарной оппозиции – институализированных и имажинативных сущностей в структурном поле антропосферы – образует единый комплекс социодинамики и жизнеобеспечения культуры, что определяет содержание и направленность культурного развития. Показательны примеры того, как во время революций, войн, т.е. в ситуации трансформации и перехода, в культуре активизируются мифо-символические имажинации (образы и проекции священной победы, нового миропорядка, нерушимого единства, братства, великого будущего, освобождения, преображения, миротворчества, социальной справедливости и пр.) и прочие парадигмы культурного постоянства и стационарности. Именно эта симптоматика выразительно проявилась в

русской и советской истории: в период революции 1917 года, Гражданской и Великой Отечественной войн, постсоветского кризиса. Тогда как на этапе стационарного гиперинституционализированного развития в имажинативном пространстве культуры, напротив, более активно просецируются имажинации внешних и внутренних врагов, чужого, растут диссидентские и неформальные движения, усиливаются ожидания реформ и социальных потрясений, идеализируются нетрадиционные ценности, абсолютизируются факторы борьбы, риска, опасности, всего того, что культивирует и сакрализирует парадигмы изменчивости и преобразования.

В параграфе 1.5. «*Модели адаптации культуры на переходе: возможности трансформации*» определяются и типологизируются стадийные, позиционные и структуральные уровни и модусы культурной трансформации в транзитивных циклах социальной адаптации.

В типологии переходного процесса выделяются *четыре стадии* транзитивного движения культуры или переходного цикла, которые можно обозначить как стадийные модели трансформации: *трансфигурация, пертурбация, дегенерация, регенерация*. Четыре стадии трансформационного процесса образуют *большой транзитивный цикл* движения культуры. В этом цикле следует различать *две транзитивные линии развития* – векторы инволюционной и эволюционной трансформации. *Вектор инволюционного движения* отражает процесс институционального спада и снижения структурной репрезентативности культуры. *Вектор эволюционного движения* фиксирует траекторию институционального подъема и реструктурирования культуры.

Транзитивный цикл развития культуры образует две переходные области – *большой и малой трансформации*. Каждая из этих областей конституируется на оси бинарной оппозиции институциональной и имажинативной трансформации. Область большой трансформации представляет собой транзитивный континуум, лежащий между точками *гибернации* (крайний пункт кризисного падения культуры) и *стагнации* (крайний пункт эволюционного подъема). Область малой трансформации охватывает континуумы гиперэкзистенциального и субэкзистенциального расположения культуры. В первом случае культура пребывает в состоянии стационарного (стабильного) развития, во втором случае – кризисного (неустойчивого) развития.

Институциональная модель трансформации конституирует два транзитивных сектора – *стабильного и кризисного* развития культуры. При этом оба сектора принадлежат одному экстрасоматическому комплексу жизнеобеспечения и воспроизводства культуры (материальные атрибуты, экономические отношения, социально-правовые институты, идеологические ценности и пр.), в котором доминирует *детерминационный*, т. е. структурно-обусловленный процесс.

В адаптогенезе *модели имажинативного* конструирования различается иная, обратная пропорциональная, стадийная последовательность, когда институциональный кризис уравновешивается расцветом имажинативного культуро-

творчества. При этом выделяется два имажинативных сектора в интеркинезе стадияльных переходов: *мифотворчество кризиса* и *мифотворчество расцвета*. В имажинативный арсенал культуры входят преимущественно слабо-структурированные и межструктурные образования (фольклорные, художественно-эстетические, мифо-символические комплексы и пр.). Это определяет то, что в нём доминирует *вероятностный*, т. е. институционально-открытый процесс культурного развития. Применительно к этому можно утверждать, что в культурогенезе имажинации лежит онтологическое отсутствие, антропологическая недостаточность и «бегство» от реальности, т. е. способность человека посредством имажинативного смещения удваивать реальность и проецировать новый культурный мир.

В исторической динамике трансформаций выстраиваются три модели переходов – *эпохальные, субэпохальные, локальные*. Переходный процесс сопровождается усилением культурной *транслокации*. В ситуации перехода происходит трансформация традиционных локусов культурной жизни и их замена на более обширные и ресурсоёмкие территории. Наряду с ростом дистанции континуального охвата трансформационного цикла в историческом процессе отчетливо фиксируется синдром культурной *транспидальности*.

Целесообразно различать *три трансформационных модуса* (типа) в гиперструктуре переходности: переход *онтологический* (*макропереход*), *парадигмальный переход* (*метапереход*) и *институциональный переход* (*медиапереход*). *Онтологический переход* можно обозначить как переход первого уровня, или *макропереход*, поскольку он имеет макрокультурный (планетарный) трансформационный охват и перманентный характер развития. *Парадигмальный переход* конституируется как переход второго уровня, или *метапереход*. Им экспонируются в культурном процессе содержательно устойчивые установки цивилизационного, эпохального и континентального развития. Метапереходом реализуется смена доминант/паттернов культурной трансформации и радикальная трансверсия мировоззренческих ориентаций/ценностей, меняющих цивилизационный ландшафт и эпохальную стилистику антропосферы. *Институциональный переход* определяется как переход третьего уровня, или *медиапереход*. Благодаря медиапереходу происходит трансформационная перегруппировка и реорганизация элементов и сущностей в культурной системе социума. Данный модус перехода проецирует изменения структурального характера, затрагивающие институциональный и функциональный порядок вещей.

В типологии перехода выделяется четыре фундаментальных основания: *модальность, контентуальность, темпоральность* и *континуальность*. *Модальность* фиксирует способ и формы осуществления перехода от начала до завершения транзитивного движения системы. Это фундаментальное основание системы поддерживает направленность и конфигурацию развёртывания культурного перехода и удерживает переходный процесс в рамках заданной транзитивной траектории. Модальностью перехода могут выступать кризис,

революция, эволюция, инволюция, интеграция и прочие формы *общей культурной адаптации*. Одновременно выделяются разнообразные формы *специфической адаптации культуры*, включая такие *модальности*, как парциация, сепарация, трансверсия, трансмодальность и др. *Контентуальность* выражает содержание переходного процесса и его структурно-функциональные характеристики. Это – наиболее подвижная сущность переходного состояния культурной системы. Именно контентуальностью перехода задаются основные возможности трансформационной активности системы. *Темпоральность* выражает временную протяженность переходного цикла и выступает способом смены положений сущности в транзитивном движении системы в пределах одной траектории. Темпоральностью отмечается ритм, длительность и транзитивная стадиальность культурного развития, а также скорость и темп протекания изменений и хронометрическая рассредоточенность трансформирующихся сущностей внутри системы. *Континуальность* выражает пространственную организацию транзитивного движения культуры и выстраивает отношения между сущностями перехода в плоскости территориальных образований. Континуальностью в переходном процессе задаются и регистрируются единицы топологической протяженности, которыми выступают различные территориальные комплексы – местность, зона, район, массив, область, регион, ареал, пояс, континент, планета.

Таким образом, современный мир-культурный процесс выступает как глобальное сцепление/разделение многосоставных переходных состояний или транспликация различных мультикультурных образований.

Глава 2. «Социокультурные универсалии в переходном процессе» посвящена исследованию универсальных механизмов культуры в переходном процессе, анализу их социально-нормативных и семантических значений. Раскрываются коммуникативные функции языка, художественных метафор и ритуальной практики в организации социального миропорядка.

В параграфе 2.1. *«Социализация перехода: культура как организованный миропорядок»* даётся анализ сущности и особенностей социально-нормативных отношений в культуре в контексте толкования культурно-генетических оснований таких значимых конструктов современного миропорядка, как преступление, наказание, свобода, освобождение, граница, порядок, ритуал, насилие и пр. Эти манифестации, так или иначе, выражают и позиционируют переходность, анализ которых позволяет понять генезис соционормативных трансформаций.

Феноменология преступления и наказания, как проблема социализации перехода в культуре, уходит своими корнями в ритуально-мифологическую действительность. Знак, символ, ритуал, образ ситнифицируют коммуникативное пространство культуры (мир людей и вещей) и выстраивают социально-этические границы (регламент) их взаимодействия. Будучи социально-нормативными явлениями культуры, преступление и наказание во многом номинируют социальную драматургию ритуала, где всё построено на бинарных

противопоставлениях. Две фундаментальные разновидности наказания: заточение и изгнание – выражают два полюса культуры (порядок и хаос), радикализация которых и определяет виновному формат социальной кары. Эскалация порядка изолирует виновного, заточает его в узкие рамки табуированного пространства и лишает мобильности. Тогда как изгнание выводит виновного за рамки культуры и обрекает его на скитания.

Генеральное противоречие между средой и организмом задает для человека и его культуры направленность всей биосоциальной жизни. Неудовлетворенность, как синдром функционально-структурной недостаточности, имеет три манифестации в переходном обществе: а) неудовлетворенность от так называемого культурного заточения; б) неудовлетворенность от культурного освобождения; в) неудовлетворенность от избытка (эскалации) культуры.

Первая ситуация характеризует преимущественно архаичные, тоталитарные (сверхинституционализированные) общества (в т.ч. сектантские группировки и прочие закрытые социальные образования), где мифо-социальные запреты предельно ограничивают человека и его культурные возможности, урезаются посредством жесткой регламентации карательно-надзирательных установок. *Вторая ситуация* характеризует деинституционализированные общества кризисного типа, в которых чрезмерная свобода превышает возможности ее культурного освоения и конструктивной социализации. Невозможность воспользоваться своим освобождением лишает индивидуума самостоятельного выбора, ограничивает его жизнь и снова делает зависимым, но уже от своей собственной структурной неупорядоченности (примеры: постсоветская Россия 90-х годов XX века, а также страны СНГ, которые после обретения независимости сильно напоминали человека, вышедшего из «тюрьмы», но не имеющего необходимых навыков для самостоятельной жизни в условиях «свободы»). *Третья ситуация* характеризует состояние, когда индивидум находится в условиях так называемой культуральной избыточности, где сверхнасыщенное предложение культуры (гиперкультурализация) превышает его возможности в их освоении, что также не способствует гармонизации социальных отношений и напоминает ситуацию, при которой избыток информации означает отсутствие информации.

В этой связи рассматривается вопрос о соотносимости *свободы* и *освобождения* в переходной культуре. В отличие от *свободы*, выражающей состояние функциональной полноты жизни, понятие *освобождение* в своем культурологическом значении содержит ту или иную незавершенность, недостаточность и отсутствие чего-либо. Это нечто еще не состоявшееся в полноте жизни, некая предпосылка, переход, выход, отсрочка бытия. Освобождение еще не есть свобода, скорее *уход, от-ход, от-деление* оттого, что ограничивает, сдерживает, принуждает. *Освобождение – онтологический императив к трансформации и переходу.* Освобождение означает почти всегда распутье, нулевую отметку, границу, линию, начало. «Освобождение всего и вся быстро приводит проблему к ее критической точке» (Ж. Бодрийяр). Переход есть

всегда освобождение. Человек как в значительной мере освобождённое от природы существо [в человеке наличествует лишь часть природы (А. Ф. Лосев)], пребывает в состоянии перманентной онтологической недостаточности и перехода. Недостаточность человека делает для него мир предельно осознаваемым, пограничным, что позволяет ему переживать и сострадать, стремиться к единению и миропорядку. Сознанию в этом мире «узко и больно» (М.Я.Гефтер), «снаружи пусто, внутри тесно» (А.Н.Башлачёв). Кризис – это, прежде всего, *лиминальный шок*. В этих условиях соционормативные регламентации выступают способом маркирования границ, привнесения смысла, разграничения и доопределения культуры, т.е. реорганизации структурного порядка и социализации перехода.

В параграфе 2.2. «Символизация перехода: ритуальный процесс и трансформация культуры» выявляются сущность и особенности ритуально-символических манифестаций культуры, открывающие важные культурно-нормативные аспекты переходного развития. Ритуально-символическая деятельность является предельно информативным источником моделирования культурных переходов и служит «общей схемой» или «концептуальным шаблоном» для осмысления культуры и возможностей её трансформации. Почти во всех теоретических построениях ритуал рассматривается как культурный институт, призванный подавлять и укрощать социальное насилие. Это особенно важно в критических ситуациях, когда именно ритуал, чаще всего, становится регенератором новой культурной реальности. Смысл символического моделирования в том, что ритуализация социальной драмы экранизирует конфликт для публики, что даст возможность его сценически разглядеть, понять и разрешить. Вынося конфликт на поверхность социальной жизни, проецируя их в мифо-художественной драматургии, ритуал институционализирует конфликт и, тем самым, снимает его деструктивную направленность.

Нередко ритуал вынужден сам инициировать очаги противостояния, преднамеренно провоцируя конфликт, с помощью которого маркируется пространство и привносятся различия. Нужно дать насилию выйти наружу, чтобы его уничтожить (Р.Жирар). Ритуальная экспликация насилия позволяет перевести негативное изображение в позитивное. Выражая собой «парадигматическое событие» (К.Гирц), ритуал проецирует в культурном процессе ключевые темы переходности и предстает как «метасоциальный» язык или, «комментарий», по насущным запросам бытия. В критической ситуации культура конструирует и утверждает в образах ритуала, музыки, шутовства, праздника *иной*, не связанный с кризисной реальностью, часто перевернутый, «не от мира сего» мир бытия (М.М. Бахтин). С помощью таких механизмов ритуальной деятельности, как символическая имитация, подмена, мимикрия, двойное оппозиционирование, оборотничество и др. нейтрализуются спровоцированные переходностью социальные конфликты, эскалация насилия, институциональный кризис и др. Эти механизмы ярко представлены в

обрядов перехода трансформирующихся обществ, в том числе документально засвидетельствованы соискателем в погребальной практике и в ритуально-символических артефактах исторически пограничной протобактрийской культуры, включая имитативные обряды, кенотафные (ложные) захоронения, votивные предметы и пр. Ритуал, как способ удвоения реальности, есть своего рода «лаборатория» по трансформации культуры, в чём видится социально значимая терапевтическая миссия символизации (ритуализации) перехода.

В переходной реальности рождаются наиболее репрезентативные художественные артикуляции (символы, гимны, марши, песнопения, лозунги, заклинания и пр.). Установлено, что потребность в ритуале и, шире, в мифо-художественном творчестве, тем значительнее, чем глубже и радикальнее структурная трансформация культуры. Так же, как «потребность в красоте развивается тогда, когда человек в разладе с действительностью, в негармонии, в борьбе, то есть когда наиболее живет» (Ф.М. Достоевский). В стремлении преобразовать реальность ритуалу лучше всего удаётся сочетать в себе ориентацию на сохранение и обновление культурных ценностей посредством механизма «ломки традиций в рамках самой традиции». «Обряды перехода стремятся трансформировать в уверенность страшную неуверенность» (Р. Жирар).

Таким образом, кризис культуры находит своё имажинативное разрешение ритуально-символической деятельности. Более того, можно сказать и так: кризис выявляет сущность культуры так же, как ритуал выявляет сущность кризиса. Современный мир с его сложным и неоднородным комплексом многокультурных взаимоотношений не только актуализирует обращение к ритуально-символическому наследию в поиске конструктивной согласованности между своим и чужим, преступлением и наказанием, но и ставит новые задачи по развитию межкультурного признания, примирения и интеграции в условиях нарастающего культурного многоголосия и социальной турбулентности.

В параграфе 2.3. «Язык как культурная реальность: метафоры трансформации» рассматриваются адаптивные и коммуникативные возможности языка в пространстве меняющейся культуры. Язык трактуется как система, формирующая необходимое рефлексивно-знаковое пространство, делающее мир видимым, осмысленным, различимым и узнаваемым и, в то же время, удерживающая и воспроизводящая семантические значения и метафоры трансформации. Язык выступает в культуре как многосоставной коммуникативный комплекс по переработке и упорядочиванию действительности, обладающий двумя мощными амбивалентными свойствами – соединять/организовывать мир и разделять/фрагментировать реальность. Но суть языка/слова сводится к одному – делать мир выразимым и различимым для человека посредством рефлексивной трансформации и сигнификации действительности.

Словами маркируется реальность, и выстраивается структура коммуникативного действия. Язык выступает в культуре как область выразимого, разли-

чаемого и связующего. Культура, будучи сотканной человеком «паутиной смыслов» (К. Гирц, М. Вебер), обрамляет себя языковым одеянием и, тем самым, минимизирует «ожог от реальности» (Г. Марсель). Проименованная действительность не так страшит, словом снимается раскол переходности, деструктуризация меняющейся реальности. Воплощенное слово и есть спасение от отчаяния, и есть залог бытия (Ф.М. Достоевский). Язык канализирует в культуре хаотические движения и нейтрализует их разрушительную силу. Проименованная опасность уже не так страшна. Страх вызывает то, что не различимо для человека, не распознано, безымянно, безобразно. Не случайно слово «ад» в переводе с греческого – «невидимое». Различить и проименовать угрозу, значит уже, в некотором роде, её обезвредить. Язык, явленный в слове, есть по существу регистрация социальной и коммуникативной разобщенности. Поэтому, самые громкие слова, призывы, заклинания, лозунги звучат в самых острых общественных противостояниях – во время конфликта, войны, революции, кризиса, т.е. в ситуации перехода и трансформации. В критические моменты самые обычные слова превращаются в выразительные мифо-художественные манифестанты, обрастая ореолом святости и непоколебимости. Без них не обходятся всевозможные праздничные гуляния, парады, торжественные митинги, ритуалы и пр. Именно в пограничных, переходных состояниях общество испытывает наиболее выраженную потребность в словотворчестве.

Следовательно, слово присутствует там, где есть какая-то незавершенность, недостаточность. Если на острие слова лежит нечто завоеванное, выраженное и оформленное, то на его противоположной стороне – нечто отсутствующее, невыразимое, недостающее. В языке выразительно проецируется онтологическая двуаспектность переходности, выраженные в метафорах трансформации, которые позволяют нам рассмотреть культуру более объемно как со стороны того, что она отображает, так и со стороны того, что в ней отображается. Иными словами, «то, что мы видим, и то, что смотрит на нас» (Ж. Диди-Юберман).

Если язык есть нечто *выразимое*, то бинарной противоположностью языка является нечто *невыразимое*, то, что *провоцирует культуру и бросает ей вызов*, а именно то, чего культуре не хватает, то, в чём культура нуждается. В языке позиционируется не только присутствие, но и отсутствие того, что хотелось бы иметь. Транзитивные свойства языка проявляются в том, что слово переводит хаос в порядок и, по существу, вторгаясь в «terra incognita», перерабатывает так называемые *реликтовые* образования культуры, о чём свидетельствуют длинные списки этимологических ссылок. Любопытно, что слово *языкъ* в древнерусской традиции использовалось в значении «переводчик, лазутчик, проводник» (М. Фасмер). Следовательно, методологическое значение языка состоит также в изучении корневых или так называемых *стволовых* клеток культуры. В любом случае, все то, что выражает язык, включается в

культуру, а всё, что включается в культуру, так или иначе служит человеку и способствует развитию.

В параграфе 2.4. «*Следы и вещи: артефакты трансформации*» исследуются возможности материальных объектов культуры и меморативных комплексов в переходном процессе и обосновывается их конструктивная социальная функция в сбалансированном развитии современной культуры. В период глобальных трансформаций возрастает социальная значимость культурных констант и, прежде всего, меморативных комплексов и предметно-символических артефактов. Наиболее визуально репрезентативными константами культуры в ситуации нарастающих перемен выступают объекты культурно-исторического наследия и артефакты повседневной культуры, иными словами вещи. В артефактах наследия отражается феноменология следа, остатка, отпечатка прошлого. По существу, в этимологических ссылках на *наследие* фиксируется одна главная смысловая установка в значении *след, отслеживать, выявлять, приводить в порядок*. Культурное наследие экранизирует субстанциональное утверждение вечности, в нём «пульсирует вечное возвращение к неизменному», но одновременно позиционируется перманентно давящая на него угроза исчезновения, временной исчерпанности и телесной ограниченности. В артефактах наследия, выражаясь словами А.Ф. Лосева, вечное и временное «синтезированы в вечный лик», образуя так называемую «*фигурную вечность*».

Наследие, как культурная селекция и каталогизация человеческого опыта, выражает деятельный и динамичный процесс. Наследие – это завершённая часть незавершённой культуры или, точнее, культурного процесса. При этом наследие всегда граничит с известной недостаточностью, условностью, дефицитностью, угрозой разрушения, утраты, исчезновения. Поскольку «завершённость произведению придаёт, прежде всего, то, что раскалывает его, превращая в произведение дробное, во фрагмент истинного мира, в обломок символа», как пишет В.Беньямин. Это позволяет рассматривать память и наследие не только как константы и универсалии культуры, но также как активные социальные *трансформеры*, позволяющие культуре осуществлять смену своих жизненных циклов и удерживать себя от распада на крутых виражах исторических переходов. Наследие не живёт без связи с настоящим, без обретения своей структурно-функциональной значимости и социальной востребованности, т.е. без включённости в культурную систему современного социума. «Прошлое представляет интерес для культуры только тогда, когда оно по-прежнему является настоящим или может ещё стать будущим» (Э. Сепир).

Меморативные комплексы – наилучшая среда для спасения и адаптации меняющейся культуры. Поскольку чем радикальнее инновации, тем неизбежнее должны быть традиции, только в этой функциональной связке становится возможной конструктивная трансформация культуры. Между тем, в современной культуре увеличивается отрыв предметного мира от духовных ценностей, инноваций от традиций. Мир вещей превращается в самостоятельный

обособленный конгломерат чисто материальных индикаторов и технологических новаций. Вертикальные (временные) и горизонтальные (пространственные) модусы трансформации в период перманентных потрясений почти смыкаются и образуют сплошной поток тотальной изменчивости. Между традициями и инновациями практически стираются различия. Это *обезразличивание* приводит к деструкции и нивелированию культурных значений.

Способность артефактов культуры преодолевать и связывать время, не только выставляет их образцом исторической устойчивости, но и делает их первой жертвой межэтнических и межрелигиозных конфликтов (уничтожение талибами статуй Будды в Бамиане (Афганистан), разрушение памятников в Ираке, Египте и пр.). В период инновационной экспансии поддержание устойчивой «транспортировки» культурных объектов из прошлого в настоящее посредством музеефикации и меморализации артефактов наследия становится императивом выживания и жизнеспособности трансформирующейся культуры. Через современность прошлое обретает свою социальную значимость, а современное обретает через прошлое свою функциональную завершенность.

Глава 3. «Глобализация культуры и модели мультикультурной трансформации» включает исследование процесса глобализации культуры, вызовов, императивов и моделей мир-системной трансформации и мультикультурной интеграции. Определяются и обосновываются тенденции и стратегии социального преобразования в эпоху турбулентности и мультикультурализма.

В параграфе 3.1. «Глобализация культуры: кризис усложнённости и конфликт перехода» выявляется сущность и специфика современной мир-культурной ситуации, даётся анализ глобальных сдвигов и сопутствующих им критических состояний, вызванных структурной усложнённостью и кризисом управления. Обосновывается необходимость перехода к новой интегрированной научной методологии изучения переходности и разработке фундаментальной антропологической стратегии жизнеспособности и развития цивилизации в условиях её долгосрочной транзитивной активности. Кризис трактуется как социокультурный феномен с повышенной трансформационной активностью, который выступит способом реорганизации социальной реальности и переквалификации культурных ценностей. Культурная реальность кризиса, как сфера нагнетания семиотических значений (семиозиса), является наиболее информативным комплексом в исследовании корневых структур культурной перестройки и социальных взаимодействий. По этой причине синдром неорархаики, присутствующий в постмодернистской реальности, обусловлен не в последнюю очередь разрушением верхних культурных слоёв конфликтующего социума. Примером такого рода возрождения примордиальных культурных сущностей может служить распространение в современной культуре всевозможных квазипервобытных или неоязыческих атрибутов,

символов, жестов. Новая мир-системная целостность вырастает из радикальной структурной трансформации культур и культурных ареалов.

В ситуации глобального перехода возрастает амбивалентность оценок происходящего и обостряется мифо-символическое восприятие меняющейся культурной реальности. Амбивалентность выражает себя как реакция на смысловую размытость и *обезразличивание*. Двойственность значений привносит различия и, тем самым, пытается удержать культуру от сползания в деструктивное обесмысливание.

Данный процесс усугубляется тем, что современные социокультурные системы (цивилизации) пребывают в состоянии ускорения трансформационных переходов, возрастания масштаба исторической и культурной неоднородности глобализированной мир-системы. Полиритмия переходов всякий раз смещает культуры с традиционных мест их диспозиции и приводит к нарушениям их идентификационной принадлежности. В постмодернистской реальности активно проецируется полистилистика культурных транзитивов. В её сложной пространственно-временной континуальности взаимодействуют различные эпохально-исторические, локально-географические, ареально-цивилизационные, универсально-антропологические и прочие мир-системные образования. Завершённость одного процесса часто сопровождается генезисом других, промежуточным положением третьих, туниковым развитием четвёртых и т.д. Диспропорция мир-системы усугубляется тем, что её «отдельные составляющие являются непосредственными носителями деструктивного потенциала» (Э.С.Маркарян). Деструкция всё чаще порождается сбоями в идентификационном процессе самоопределения культур. Повышенная транзитивность современной цивилизации (рост масштаба, скорости и диверсификации переходов) делает идентификационный процесс излишне подвижным и неустойчивым. Всё это провоцирует и расширяет очаги структурной напряжённости в мир-системе и глобализирует антропогенный кризис. Нарастает *кризис усложнённости* (Ж.-Ф. Ришар). Основное противоречие, усиливающее деструкцию современной цивилизации, связано с расширяющимся разрывом между всеобщей техногенной унификацией и индивидуальными возможностями локальной идентификации культуры. Современный кризис усложнённости сопровождается ранее начавшимся *институциональным кризисом*. Кризисная ситуация усугубляется ещё и тем, что институциональный кризис нагнетается скоростью перемен: частота и полиритмия трансформаций значительно опережают возможности институционального реагирования на вызовы меняющейся реальности. Система принятия решений не успевает за экспансией перемен и инноваций. Как следствие, институциональный кризис сопровождается *кризисом управления*.

В этих условиях возникает необходимость разработки транзитивных технологий (механизмов) адаптации и преобразования социокультурных систем в масштабах их планетарной интеграции и мультиструктурного сопряжения, т.е. перехода «к осознанно направляемому типу эволюции» (Э.С. Маркарян).

Оптимизацию мир-системных связей невозможно осуществить в рамках традиционного моноцентричного (монодисциплинарного) знания. Встаёт вопрос о переквалификации транзитивных значений культуры – кодификации мир-культурной целостности и нового прочтения современности. Складывается ситуация, когда глобальная система с каждым последующим витком своей трансформации должна всё сильнее соизмеряться с возможностями совершенствования транзитивного механизма управления изменениями. Представляется важным формирование новой области современного культурологического знания – культурной транзитологии, как науки управления переходами. По существу, наступает момент, когда жизнеспособность цивилизации будет зависеть от того, удастся ли человечеству *перевести мир-систему от переходной культуры к культуре перехода*. Поскольку кризис воздействует на культуру, средствами самой культуры следует различать, какая культура поддерживает социальный порядок, а какая – нагнетает кризисную деструкцию. Это различие измеряется степенью институциональной (структурной) завершённости системы, обеспечивающей культуру необходимыми функциональными возможностями управления изменениями.

В параграфе 3.2. «*Мир-системные трансформации: стратегии и модели преобразования*» рассматриваются условия и способы структурной реорганизации мир-культуры и выявляются принципы осуществления переходов в контексте генезиса, иерархии, целостности, равномерности и неравномерности развития культурных изменений. Пониманию промежуточных и критических состояний в динамике культурного развития, логики функционирования переходных сущностей способствовали исследования в области структурной организации меняющихся систем. Применительно к пространственно-временной полиритмии трансформирующейся культуры под неоднородностью и асимметрией понимаются присущие ей моменты устойчивости и изменчивости в единстве *протяжённости и структурности* (пространство перехода) и в единстве *длительности и течения* (время перехода).

Трансформационный процесс осуществляется с помощью синтеза структурных образований. Культурная реальность перехода в силу своей открытости, незавершённости, пластичности и высокой репродуктивности как ничто другое благоприятствует не только генерации новых сущностей и их диверсификации, но также их взаимодействию и синтезу. Данное состояние обозначается В.И.Свидерским термином «*структурная напряжённость*». Именно эту структурную напряжённость можно усмотреть в современной ситуации мультикультурных коллизий, вынуждающей некоторых исследователей констатировать столкновение цивилизаций (С. Хантингтон) или крах мультикультурализма (Г. Хайнсон, Н. Болыц, Т. Саррацин, Х. Зеэхофер). Однако очевидная напряжённость в межкультурных отношениях свидетельствует не о денансациии мультикультурализма как такового, а о вызванных им макроструктурных трансформациях. Новая мир-системная целостность вырастает из радикальной структурной реорганизации культур и форм их взаимодейст-

вия. Очевидно, что «культуры могут уцелеть, лишь черпая силы к самотрансформации из критики и сецессии» (Ю. Хабермас).

Эта реорганизация демонстрирует переход на новую ступень интеграции отношений, обозначаемой нами как транспликация различных культурных срезов и векторов развития. Мультикультурная трансформация, будучи переходным процессом, как всякая реорганизация и смена структурных конфигураций не может не сопровождаться повышенной напряженностью. Такая напряженность, прежде всего, локализуется в зонах так называемых *структурных стыков*. За каждым культурным стыком стоит отдельная культурная целостность (идентифицированная общность), т. е. такая культурная реальность, где структурные преобразования представлены в наиболее завершённом виде. Показательно, что дискуссии о конце мультикультурализма инициированы странами с наиболее высокими (зрелыми) показателями мультикультурной общности (Великобритания, Германия, Франция). Такая избирательность лишний раз свидетельствует не о крахе, а именно о стадийном завершении интеграционного цикла мультикультурной реорганизации на уровне самоидентификации континентальных или ареальных культур, в числе которых европейская общность. Наступает время макроструктурного перехода к новой, более сложной конфигурации межкультурных связей на уровне самоидентификации обширных цивилизационных образований. Отсюда недавно провозглашённая в новой европейской стратегии управления, так называемая *политика целостности*. Данную конфигурацию можно определить термином «*транскультура*», воплощающим в себе интегрированную целостность культурных множеств. В процессе мультикультурной транспликации осуществляется переход от *структурных отношений* внутри одного культурного континуума (цивилизации) к отношению *между структурами*, каждая из которых предстаёт как обширный культурный арсал (коалиция культур/цивилизаций) в масштабе их трансконтинентальной интеграции и синтеза. Переход от отношений структуры к отношениям структур собственно и составляет содержание мультикультурной транспликации как многокомпонентного мультиструктурного синтеза различных культурных конфигураций, сочетающих в себе предельно большие (общечеловеческие) и предельно малые (индивидуальные) формы самоидентификации. Новые моменты в культурном процессе связаны не со структурами как таковыми, а именно с изменениями в характере их взаимоотношений.

Мультикультурализм, как структурный синтез, характеризуется преобразованием всех структур культуры от её простейших и низших уровней до сложных и высоких конфигураций отношений. Синтез структур активизирует раскрытие потенций элементов культуры через механизмы взаимодействия всех составляющих её сущностей в рамках всей системной миро-целостности. Отсюда становится понятным, почему на высших стадиях развития, к примеру в постмодернистской реальности, часто воспроизводятся архаические структуры и культурные рудименты, т.е. отдельные черты и стороны ис-

ходных состояний или низлежащих структурных уровней (В.И. Свидерский). Использование понятия «синтетическая структура» для интерпретации мультикультурных трансформаций позволяет не только обосновать сущность и направленность интеграционного процесса в условиях глобализации, но и раскрыть культурно-генетические основания структурной напряженности (конфликта) и феномена *возрожденчества* (неоархаики) в современной культуре. Мир разбросанных и обособленных культур становится всё больше миром одной, но многосоставной и иерархически дифференцированной культуры.

В параграфе 3.3. «*Мультикультурные трансформации: модели интеграции*» обосновывается мультикультуралистская парадигма глобальных трансформаций и моделируются их конструктивные возможности в переходном процессе и мир-системной интеграции. Мультикультурное пространство выражает дискретный структурированный ареал взаимодействия различных этно(социо)культурных групп с высокой плотностью их интернальных связей в функционально целостном взаимозависимом континууме. С этой позиции предлагается определять мультикультурализм как способ устойчивого сосуществования разнообразных этно(социо)культурных групп в функционально целостном пространстве межкультурного взаимодействия. Все это позволяет видеть в мультикультурализме не столько синдром локального проектирования, сколько общечеловеческую стратегию и императив выживания в условиях глобального роста культурного разнообразия и демократии. Вместе с тем, нельзя не согласиться с В.С. Малаховым, что «слово “мультикультурализм” провоцирует недоразумения». Большинство исследователей все-таки остаются оптимистами и весьма высоко оценивают перспективы мультикультурализма, полагая, что «транснациональные жизни сами по себе могут стать стратегией выживания» (Т. Фейст).

Мультикультурализм предполагает не только синтез на географической оси межкультурной интеграции, но и транспликацию времён (сцепление историко-культурных традиций) в диалоге современности с наследием. Так, в постмодернистской регенерации архаических сюжетов следует усматривать синдром переходности: в трансформационном процессе культура сильнее всего нуждается в обновлении и компенсации, в привнесении нового для возмещения того, что распадается и выпадает из быстро меняющейся культурной системы. Феномен *возрожденчества* в истории культуры так или иначе проявляется во всех переходных обществах (Бустанская стадия протобактрийской (сапаллинской) культуры, Саисский период в Древнем Египте, Эпоха Ренессанса, период утверждения советской власти и др.).

В культурно-историческом процессе можно смоделировать две формы идентификации социальных сущностей – генерализацию и индивидуализацию. Первая выражает вектор интеграционного развития, направлена в сторону универсализации отношений внутри антропосферы и отвечает за поддержание того или иного уровня целостности культурной системы. Вторая выра-

жает вектор автономизации (обособления) культурных образований, их дивергенции и сепарации и сориентирована на удержание конкретного бытия (дискретных границ) сущностей и спецификацию их индивидуальных качеств и возможностей. Взаимоотношение генерализации и индивидуализации обеспечивает единство в многообразии, которое всегда выражает *два модуса движений* – «растворение в многообразии частей» и «стягивание частей в центральной точке связи» (Х. Плеснер).

Идентификация посредством *генерализации* социально-исторических образований в культурном процессе развёртывается от самых малых величин (индивидуум/особь на этапе ранней первобытности и род/племя на протяжении всей последующей первобытности) к их нарастающим общностям (народность – Средневековье, нация – Новое время) и к переходу к предельно большим социальным конгломератам (цивилизации и метатэтнические объединения – современность и, в конечном счёте, человечество). Если процесс генерализации идёт по пути расширения формата идентификации социокультурных общностей, то процесс индивидуализации, напротив, развёртывается в направлении сжатия, сужения, парциации и диверсификации социальных образований.

Идентификация в процессе *индивидуализации* осуществляется от общего к частному, от большого к малому, от универсального к единичному. В историческом ряду этой формы идентификации можно зафиксировать несколько последовательных переходов и разграничений: от идентификации стада/вида (ранняя первобытность) и общины (первобытность) к идентификации сословия (Средневековье), и далее – частно-корпоративной группы (Новое время), личности (современность) и, в конечном счёте, Человека как гражданина мира. Таким образом, две формы идентификации – генерализация и индивидуализация – выражают единый, но дифференцированный культурный процесс самообретения человека и становления родовой общечеловеческой целостности.

В диахронно-синхронной градации переходного процесса также выделяются две модели идентификации: 1) *культурно-пространственная*; 2) *культурно-временная*. Каждый локус и хронотип идентификации предрасполагает к определённому типу самосознания и, так или иначе, обуславливает уровни генерализации и индивидуализации в культурном процессе.

Таким образом, границами двuasпектной идентификации выступают две предельно неделимые сущности: собственно сам Человек, как единичность, и Человечество – как особый род сущего. Способы идентификации обуславливают и соответствующие формы конфликтов на пути её достижения. В культурно-историческом процессе можно выделить две сущностные разновидности конфликтов – экстернальные конфликты (конфликты между системами) и интернальные конфликты (конфликты внутри системы).

Постулированное А. Крёбером положение о конфигурациях культурного роста может быть весьма полезным в исследовании социодинамики транс-

формационных процессов и переходных состояний культуры, а также сущности и специфики мультикультурной интеграции. Каждая культура своей конфигуративной спецификой предопределена к взаимодействию с другими культурами. Во-первых, в этом взаимодействии каждая культура получает от других культур нечто для себя новое, то, что у неё отсутствует, т.е. происходит взаимообогащение культур, и, во-вторых, посредством этого взаимодействия каждая культура идентифицирует себя как своего рода индивидуальная целостность или конфигурация. У каждой культурной конфигурации есть то, что её отличает от других и то, что с другими сближает. Но именно *отличие* задаёт культуре модус её сближения с другими культурами, поскольку только через это отличие одна культура становится полезной для другой. Следовательно, каждая культурная конфигурация выражает то, чем она располагает (актуализированное бытие), но одновременно также то, что она урезает, то, что не схвачено формой, чего культуре недостаёт (отсутствующее бытие). Всякая конфигурация культуры – это композиция неких *выступов* (то, чем культура владеет, наличествующее бытие) и *срезов* (то, чем культура не располагает, отсутствующее бытие). Комбинаторика «выступов» и «срезов» задаёт конфигурацию связей одной культуры с другими.

Отношение одной конфигурации культуры к другой формирует так называемое конфигуративное взаимодействие. Поскольку культуры взаимодействуют в силу своей конфигуративной сущности не по прямой, а в композиции различных «выступов» и «срезов», это обуславливает то, что в каждой целостной системе идёт конфликт в пограничных зонах, в области смыкания и столкновения конфигуративных образований. В результате такого столкновения осуществляется реорганизация границ и обеспечивается внутреннее саморазвитие культурной системы. На пути создания интегральной (мультикультурной) целостности антропосферы можно выделить шесть фаз (моделей): 1 фаза – состояние синкретизма: до раскола, дробления и окончательного выделения человека из природы (эпоха раннего и среднего палеолита); 2 фаза – состояние относительно сепаратного сосуществования обособленных культурных сущностей: период *без-различия*, т.е. до момента дивергенции сущностей и их взаимодействия (поздний палеолит – эпоха бронзы); 3 фаза – состояние начала идентификации культурных сущностей (форм) и их первичного столкновения: запуск взаимодействия (античность и средние века); 4 фаза – состояние обретения первичного уровня значащей целостности, т.е. интеграции и синтеза различных культурных конфигураций (Новое время); 5 фаза – состояние вторичного столкновения, но уже синтезированных (многосоставных) культурных сущностей или цивилизационных конфигураций (современность); 6 фаза – состояние обретения вторичного уровня значащей целостности на основе мультикультурного синтеза, структурной транспликации и органического соединения цивилизационных конгломераций в предельно упорядоченную единораздельную целостность (ожидаемое будущее).

В параграфе 3.4. «Разнообразие и идентичность: императивы устойчивого развития» анализируются парадигмы культурного разнообразия в глобальную эру и раскрывается взаимосвязь диверсификации и интеграции в культурном процессе современности. Глобальные трансформации при усилении межкультурных взаимодействий сопровождаются ростом социокультурного разнообразия. Амбивалентность разнообразия состоит в следующем. В тех случаях, когда разнообразие помогает распознавать структуры взаимодействия, синтезировать коммуникативные потоки и обеспечивать культуру способностью различать и маркировать реальность, оно является конструктивным фактором для социального развития. В других случаях, когда диверсификация идёт впереди институциональных возможностей социума по распознаванию, идентификации и маркированию усложняющейся реальности, разнообразие становится контрпродуктивным фактором провоцирующим конфронтацию и дезинтеграцию культурной системы. Социальный потенциал разнообразия следует оценивать и трактовать в контексте соответствия возможностей социума различать и принимать разнообразие и обеспечивать эффективное управление всеми объектами дифференциальной множественности культурной системы. Кризис различий в эпоху глобализации объясняется тем, что механизмы планетарного копирования вытесняют механизмы индивидуальной адаптивной коррекции культуры. Современный мир трансформируется в свою псевдокультурную противоположность, где на место реальных вещей и событий вторгаются уподобленные им имитации. «Все становится равноценным, эквивалентным» (Ж. Бодрийяр).

Одним из условий продуктивного и устойчивого взаимодействия системы является наличие в ней согласованного единства разнообразия функций и оптимизация структурного порядка. Любое разнообразие возникает на основе идентификации сущностей. Сбой и отклонения в идентификационном процессе чреваты стиранием различий и приводят культурную систему к деструкции. Д. Галлахер определяет это структурное состояние как *функциональное разнообразие*. В случае функционального разнообразия снимается деструктивное напряжение между единством и разнообразием, и «множественность становится не поблажкой для слабого или невежды, а рогом изобилия возможностей сделать мир лучше» (И. Валлерстайн). Однако следует различать понятия «разнообразие» и «множественность». Первое основано на факте самореализации идентичностей. Тогда как второе выражает простое суммирование любых единичностей. Если разнообразие выражает качество в состоянии сущностей, то множественность фиксирует их количество. Следовательно, функциональное разнообразие не только способствует продуктивному взаимообмену и сотрудничеству, но создаёт реальные предпосылки для предотвращения и разрешения конфликтов и очагов напряженности в культуре.

Глобализация актуализирует два противоположных потока структурных трансформаций – *унификацию* и *диверсификацию*. Полюса глобальной транс-

формации должны уравниваться двумя модусами идентификации культуры – идентичностью отдельного человека (единичность) и идентичностью человечества (целого), т.е. посредством преобразующей диверсификации и интегральной сосредоточенности. Следовательно, «разнообразие выступает не столько функцией изоляции групп, сколько отношений, их объединяющих» (К. Леви-Строс).

В современном мире обретение свободы связано не только с возможностью каждой отдельной культуры выразить себя, подчеркнуть свою самобытность, но и с её способностью включиться в глобальный коммуникативный процесс, т.е. эффективно управлять разнообразием, уметь принимать, передавать и перерабатывать информационные потоки мультикультурных и межсоциальных взаимодействий. Нельзя не признать, что «глобализация расщепляет мир и в то же время, как рисковую общность, побуждает его к сотрудничеству» (Ю. Хабермас).

Культура прирастает разнообразием. Стратегия диверсификации-интеграции позволяет находить и генерировать универсальные защитные механизмы и, в конечном счёте, эффективно преобразовывать энергию универсальных, локальных и исторических переходов в созидательные проекты и модели устойчивого выживания-развития планетарной цивилизации, ибо «разрозненный мир обретает единство в культуре» (С.Н. Иконникова).

В заключении подводятся итоги, формулируются основные выводы исследования и постулируется перспективная стратегия изучения инновационных сдвигов в современной культуре, а также определяются практические возможности использования полученных результатов.

Основные положения диссертации отражены в следующих опубликованных работах автора:

Монографии

1. Ионесов В.И. Культура на персходе: императивы трансформации и возможности развития. – Самара: ФГБОУ ВПО «СГАКИ», Самарское культурологическое общество – «АКР»; «Век # 21», 2011. – 537 с. [33,5 п.л.].
2. Ионесов В.И., Михелькевич В.Н., Полушкин И.А. Диалоговые технологии гражданского образования. – Самара: Самарский научный центр РАН, 2004. – 174 с. [Полушкин: 4,2 п.л. / Михелькевич: 2,1 п.л. / Ионесов: 3,8 п.л.].
3. Jonesov V. The Struggle between Life and Death in Proto-Bactrian Culture: Ritual and Conflict. Lewiston, New York: – The Edwin Mellen Press, 2002. – 220 p. [13 п.л.].

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

4. Ионесов В.И. Культура и трансформация: метаморфозы адаптации и развития // Вопросы культурологии. – 2009, №8. – С. 4-7 [0,7 п.л.].

5. Ионесов В.И. Язык как культурная реальность: возможности трансформации // Аспирантский вестник Поволжья. – 2009. – №1-2. – С. 20-23 [0,7 п.л.].
6. Ионесов В.И. Антропология культуры Гарри Тромпфа // Вопросы культурологии. – 2008. – №9. – С. 26-28 [0,7 п.л.].
7. Ионесов В.И. О некоторых антропологических основаниях свободы и гуманизма в культуре: феноменологические прояснения // Аспирантский вестник Поволжья. – 2008. – № 1-2. – С. 30-34 [0,6 п.л.].
8. Ионесов В.И. К типологии культурных изменений: трансформация культуры и манифестация перехода // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки» – 2007. – №8. – С. 151-154 [0,5 п.л.].
9. Ионесов В.И. Культурный процесс и метаморфозы адаптации // Известия Самарского научного центра РАН. – Специальный выпуск «Новейшие гуманитарные исследования». – 2006. – С. 100-108 [0,7 п.л.].
10. Ионесов В.И. Культура и образование в меняющемся мире: опыт осмысления мультикультуралистской парадигмы // Вестник Самарского государственного технического университета. – Серия «Гуманитарные и психолого-педагогические науки». – 2005. – № 35. – С.98-106 [0,7 п.л.].
11. Ионесов В.И., Михелькевич В.Н. О роли красоты в эстетической подготовке технических специалистов // Вестник Самарского государственного технического университета. – Серия «Гуманитарные и психолого-педагогические науки». – 2005. – №35. – С.143-150 [Михелькевич: 0,2 п.л. / Ионесов: 0,5 п.л.].
12. Ionesov V. Imitative Ritual in Proto-Bactrian Mortuary Practice // Current Anthropology. – Vol. 40. – 1999. – №1. – P. 87-89 [0,4 п.л.].

Статьи в сборниках международных и всероссийских научных конференций

13. Ионесов В.И. Трансформация артефактов: вещи, которые мы создаём, храним и изменяем // «Трансформация артефактов и артефакты трансформации». Материалы Всероссийского научного интернет-семинара, 14-24 апреля 2011 года, Институт социальных наук Иркутского государственного университета. – Иркутск: ИСН ИГУ, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://fst.myl.ru>, http://fst.myl.ru/index/materialy_seminarov/0-50 [0,6 п.л.].
14. Ионесов В.И. Границы и переходы: мультикультурные основания глобальных трансформаций // Границы и переходы: социальные инновации в культурном процессе: материалы Пятой Междунар. науч. конф., 25-26 марта; 2010 г. / Самарское культурологическое общество; отв. ред.: В.И. Ионесов. – Самара: «Век # 21», 2010. – С. 20-74 [3,0 п.л.].
15. Ionesov V. Paradigms of Cultural Change in Transitional Times // Actas del IX Congreso "Cultura Europea". – Ed. E.Banus. – Pamplona, 24-27 de Octubre de 2007, Centro de Estudios Europeos, Universidad de Navarra (Spain). – Pamplona: Aranzadi, Thomson Reuters, 2009. – P. 425-433 [0,7 п.л.].
16. Ionesov V. A Social Interpretation of Material Culture: Symbolic Things and Ritual Expressions // Workshop 13, Archaeologie und Computer. Kulturelles

Erbe und Neue Technologien (13 International Congress "Cultural Heritage and New Technologies") November 03-rd – 05-th, 2008 / CD. – Wien: Museen der Stadt Wien, 2009 [0,5 п.л.].

17. Ионесов В.И. Трансформации в культуре: модели переходного развития и социальной адаптации // Трансформации: риск, кризис, адаптация. Материалы Четвёртой Междунар. науч. конф., 29-30 сентября 2008 г. / Самарское культурологическое общество; отв. ред.: В.И. Ионесов. – Самара: Самарский научный центр РАН, 2008. – С. 72-101 [1,2 п.л.].
18. Ионесов В.И. Ещё раз о переходных процессах и вызовах глобализации: императивы трансформации // Образование и глобальное развитие: объединяя мир через знания. Материалы Третьей Междунар. науч. конф., 25-26 сентября 2008, Самара / НОУ ВПО "СИ ВШПП"; под ред. А.В. Бирюкова. – Самара: «Век # 21», 2009. – С. 71-105 [1,3 п.л.].

Иные научные публикации

19. Ионесов В.И. Переходный процесс как объект культурологического осмысления // Управление изменениями: креативная экономика и социальные преобразования в мультикультурном мире / НОУ ВПО "СИ ВШПП"; под ред. А.В. Бирюкова, В.И. Ионесова. – Самара: «Век #21», 2011. – С. 257-281 [0,8 п.л.].
20. Ионесов В.И. Парадигмы культурных изменений: феноменологические пояснения // Социальные инновации в культурном процессе: стратегии развития и преобразования. Материалы Первой Междунар. науч. конф., 9-10 декабря 2004 г. – Самара: Самарский научный центр РАН, 2005. – С. 45-80 [1,3 п.л.].
21. Ионесов В.И., Павленко В.Ю. Протобактрийская цивилизация: социокультурный контекст возникновения зороастризма // КЛИО. Журнал для учёных. – СПб. – 2002. – №3 (18). – С. 110-117 [Ионесов: 1,2 п.л. / Павленко: 0,8 п.л.].
22. Ионесов В.И., Полушкин И.А. Мультикультурализм и образование: учебное пособие. – Самара: РЛЦ «Диалог культур», 2002. – 40 с. [Ионесов: 2,1 п.л. / Полушкин 0,4 п.л.].
23. Ионесов В.И. Социодинамика культуры в переходном обществе: к постановке проблемы // Вестник Самарского юридического института МЮ РФ, 2002. – №2. – С. 215-229 [1,0 п.л.].
24. Ионесов В.И. Мультикультурное пространство как среда выживания // Родник. Журнал экологического воспитания, образования и просвещения. – 2001. – №5. – С. 7-9 [0,5 п.л.].
25. Ionesov V. The Ritualization of Conflict within Post-Primitive Societies // The Nature and Function of Rituals: Fire from Heaven. – Edited by Ruth-Inge Heinze.–Westport, (Connecticut), London: Greenwood Publishing Group, Bergin and Garvey. – 2000. – P. 37-57 [1,3 п.л.].

Ионесов Владимир Иванович

**МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ:
ТИПОЛОГИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПРОЦЕССА**

Автореферат

Корректор Н.В. Ипполитова

Подписано в печать 23.11.2011.

Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная.

Печать оперативная. Объем - 2,5 усл. печ. л.

Тираж 100 экз. Заказ №1476 Бесплатно

Отпечатано в типографии ООО «Издательство ВЕК#21»

443001, г. Самара, ул. Ленинская, 199-1

Тел./факс: 8(846) 332-83-73

Издательская лицензия - ИД 03840 от 25 января 2004 г.